

Алексей Славич

Серьезные игры

Алексей Славич
Серьезные игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191464

ISBN 9785447449124

Аннотация

Мы, дикари на задворках, малоинтересны обитателям галактики. Разве что этнографам и туристам... Но так ли уж на самом деле различаемся мы и они?

Содержание

Серьезные игры серьезных людей	5
Доказательство	29
Человеческий компонент	36
Дуэль на соленых огурцах	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Серьезные игры

Алексей Славич

© Алексей Славич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серьезные игры серьезных людей

Бургомистр. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами.

Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и воспитывались специально для нашего стола.

Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то, что они зажарены.

Не визжи, мальчик, это совсем не страшно, а потешно.

Шварц Е. Дракон.

Губернатор планеты Русские Просторы, считая себя человеком серьезным и даже где-то масштабным, не любил заниматься дурацкой мелочевкой.

Однако, будучи не только серьезным, но и мудрым человеком, Михаил Иванович понимал, что в политике многие как бы мелочи играют важную роль, и занимался ими с мазохистской тщательностью.

Очередной такой раздражающей, но важной как бы мелочью была просьба сенатора от планеты помочь его дочке-журналистке сделать хороший, звонкий видеорепортаж об успехах в борьбе с повстанцами, пытающимися создать на планете ни больше, ни меньше, как независимое государство. Причем независимость нагло провозглашалась не только от губернаторской власти, но и от метрополии.

Вызвав к себе начальника Планетарной службы безопасности Зубова, Михаил Иванович набрал номер на особом телефоне и включил режим конференции.

– Доброе утро, Михаил Иванович. Как поживаете? – почтительно поздоровался с ним команданте Василий Казин, командир крупнейшей бригады повстанцев, как бы бывший его заместитель. Михаил Иванович часто ловил себя на том, что мысленно называет его заместителем по повстанцам.

– Привет, Вася. Все нормально. Давай-ка, прежде всего, перетрем такую тему. Нам на голову валится сенаторская дочка-журналистка. Как мы будем организовывать ей видеорепортаж об успехах в борьбе с повстанцами?

– Э-э... – замялся Казин. – Может, Зубов чего-нибудь построит в лесу, а потом и взорвет?

Зубов усмехнулся.

– Ты, повстанец-засранец, не борзей, а? – возмутился Михаил Иванович. – Совсем, что ли, охуел? У тебя своя зона ответственности, у Зубова – своя, еще не хватало на него стройки вешать. Строить будешь ты. Если надо чего-то строить. У тебя что, взорвать нечего? Я тебе мало бабла отстегнул из прошлогоднего транша на борьбу с повстанцами?

– 52% представленной сметы, – голосом оскорбленной невинности сказал Казин.

– Слушай, мудила, я твои способности составлять сметы знаю, – окончательно рассердился Михаил Иванович. – Ты, блядь, мне цифирки не тычь, сколько надо, столько и выде-

лили. Ты зачем запросил ручного стрелкового оружия в четыре раза больше количества твоих повстанцев-засранцев? Думаешь, мы тут считать не умеем?

– Можно рвануть большой плазмометатель, – быстро перешел в конструктивное русло Казин, почувствовав, что разговор приобретает неприятный оборот. – Из которого мы только что несколько раз окраины столицы обстреляли. У вас как бы непосредственная мотивация есть для диверсионной миссии.

Зубов удивленно покачал головой и опять усмехнулся.

– Ну, вот, – подобрел Михаил Иванович, – можешь ведь, когда хочешь. Даже слова уже умные знаешь, даром, что всего полгода, как команданте. У Зубова тут от удивления аж в зобу дыханье сперло. Политически идея грамотная – действительно, эта... как ты сказал?

– Диверсионная миссия, – с легкой гордостью и чувством собственного достоинства повторил команданте Казин.

– Эта самая диверсионная миссия, действительно, оказывается как бы замотивированной. Но мы ведь люди серьезные, как бы должны денежки считать. Тебе что, эта хрень разве как бы больше не нужна? Она же, небось, до хуища бабок стоит?

– Нет, она старая, ей лет двадцать, списана армейскими по дешевке. Сильно амортизированная, ломается часто. Дорогая в обслуживании. И опасная – у нас двое бойцов получили тяжелые травмы, а один даже погиб.

– А ты что думаешь? – обратился Михаил Иванович к Зубову.

– В принципе идея, действительно, неплохая, – согласился Зубов. – Только тебе, Василий, надо организовать доступ к плазмометателю. Он же у тебя штатно в шахте? Поднять его на профилактику, что ли. А то никакая диверсионная группа не пробьется. Зачем друг друга крошить...

– Так, ребята, – вмешался Михаил Иванович, – не занимайте мое время – эти детали вы напрямую обсудите, и Зубов потом выдаст мне готовый согласованный вариант. Принципиальных вопросов по этой теме нет?

– Нет, – ответил Зубов.

– Нет, – подтвердил Казин.

– Окей. Едем дальше. Вопрос к вам обоим. Что за очередное говно с твоими наемниками на прошлой неделе, Вася? Опять две изнасилованных местных девки, трех гражданских мужиков изметелили, один помер в госпитале. Ты что, не понимаешь, что население должно быть пока к вам лояльным? И так у тебя местных повстанцев-засранцев от силы 10%. Зубов, наемников подбирает тобой рекомендованный человек. Почему он берет таких отморозков?

– Я напомню, Михаил Иванович, – сказал Зубов. – Нормальных отставников брать рискованно, они менее управляемы, профессиональная солидарность и все такое. Да и дороговато. Поэтому набираем наемников другого разбора, которые никуда соваться не будут, каждый за себя. Чтобы они

не создавали особых проблем, есть своя технология, я объяснял. Их просто надо максимально изолировать от гражданских и обеспечить собственную инфраструктуру оттяга – блядей, кабаки. Василий, ты сколько организовал борделей и сколько там блядей?

– Борделей два, а блядей... э-э... ну, штук двадцать, – неуверенно промямлил Казин.

– Я ж тебе в самом начале давал нормативы, – напомнил Зубов. – Борделей при твоей численности бойцов должно быть уже минимум четыре, блядей – штук сто. Кстати, надо бы дифференцированно обеспечить специфический контингент солдатских и офицерских блядей. Ну, поговорим отдельно.

– Казин, ну что за еб твою мать! Ты как бы серьезный человек или хуй собачий? – опять возмутился Михаил Иванович. – Ты что, блядей не можешь организовать? У меня же здесь ты курировал сектор развлечений. Небось, норовишь содрать с них по полной программе, мудила? Нормативы Зубова у тебя есть?

– Есть где-то, – покаянно вздохнул Казин. – Виноват, как-то выпало из поля зрения.

– Чтоб в течение месяца все было по нормативам Зубова! – приказал Михаил Иванович.

– Приложу все усилия, но за месяц не успею, – вздохнул Казин. – Блядки – бизнес серьезный, так быстро договориться не получится.

– Ну, ладно, месяц я слегка загнул, но за два должен успеть, – строго сказал Михаил Иванович. – Дальше. С Рабиновичем тебе удалось договориться о каком-нибудь взаимодействии?

– Нет. Он меня послал на хуй по радио, – ответил Разин с обидой.

Михаил Иванович тяжело вздохнул. Он как бы не был антисемитом. И даже его зам по экономике и финансам был евреем, вполне доверенным и своим человеком. Но когда Михаил Иванович вспоминал о Рабиновиче, то чувствовал, что в нем просыпаются чуть ли не на генетическом уровне какие-то темные чувства.

Рабинович был отставным подполковником-космодесантником, около года назад организовавшим совершенно независимое от губернатора повстанческое движение. Слава богу, пока он контролировал небольшой район, который, однако, был неприятным шилом в жопе, поскольку целью своей Рабинович объявил свержение олигархического, антидемократического, сросшегося с мафией режима во главе с губернатором. Причем ни о каком независимом государстве после достижения поставленных целей Рабинович и не заикался, что осложняло его компрометацию. Одной из целей «повстанцев» Казина было как бы отвлечь внимание от Рабиновича.

Впрочем, большая часть населения, – конечно, не официально публикуемые 90%, но процентов 60—70%, – как пока-

зывали регулярно проводимые службой Зубова опросы, была, в общем, пока вполне довольна жизнью и поддерживала губернатора.

– Ладно. Дальше, – сказал Михаил Иванович. – С этими... исламскими бригадами, или как их, были контакты?

– Да. Тут, вроде, все нормально, – ответил Казин. – Был у нас их человек. Обещали подбросить и денег, и оружия.

– Смотри, повстанец-засранец, украдешь больше пяти процентов – велю Зубову пустить тебя в расход, – как бы пошутил Михаил Иванович очень серьезным тоном. – У меня все. Вопросы?

– Все ясно, Михаил Иванович.

– Тогда пока.

Прилетевшая через пару дней журналистка, оказавшаяся совсем молодой, лет двадцати пяти, и внешне довольно симпатичной, на встрече с губернатором и Зубовым держалась просто, папу все не поминала и попросила звать ее просто Леной.

Технологию записи полевых репортажей Лена собиралась использовать дистанционную: посредством десятка маленьких летающих на антиграве видеокамер. Запас автономного хода у них был большой – для сопровождения рейда вполне

хватало.

– Только, Лена, – попросил Зубов, – не пускайте свои камеры вперед группы. Я вашу технику знаю, это на самом деле модифицированные шпионские зонды. Они неплохо прикрыты от обнаружения, но все-таки у повстанцев электронная разведка, хоть и дохловатая, есть. Могут засечь – и операция резко усложнится или даже провалится.

– Конечно, – согласилась Лена. – Я вообще все с вами тщательно согласую, чтоб, не дай бог, люди не пострадали. А можно организовать интервью с командиром диверсионной группы?

– Без вопросов.

– Ну, как она тебе? – спросил после встречи Михаил Иванович Зубова. Тот обладал хорошим чутьем на людей, и Михаил Иванович к нему прислушивался.

– Очень осторожно с ней надо, Михаил Иванович, – ответил Зубов. – Как бы не наш человек, по... э-э... специфическим вопросам сотрудничать с нами не будет.

– Мне тоже так показалось, – согласился Михаил Иванович. – Странно, что папа ей своевременно не вправил мозги. Ну, да ладно. Пробьемся. Сценарий-то у вас с Казиным для нее отработан как следует?

– Вроде, тьфу-тьфу, проблем быть не должно.

Командиром диверсионной группы был пару месяцев назад принятый на годичный контракт Павел Нестеренко, отставник-десантник. Основной его специализацией до отставки были как раз диверсионные операции.

Лене он понравился. Нестарый, лет тридцати пяти, высокий, крепкий, но не качок, с приятным мужественным лицом. Был он к тому же из категории крайне редко попадавшихся ей военных-интеллектуалов – у Лены возникло отчетливое впечатление, что она общается как бы с человеком своего круга.

Закончив запись «предоперационной» части интервью, Лена вдруг поймала себя наигривой мысли – а не закадрить ли мужичка? И спросила с многообещающим

– А можно пригласить вас поужинать, Паша? Пообщаемся менее формально...

– С удовольствием, – согласился тот, улыбнувшись. – Только приглашаю вас я, не привык, когда меня угощают дамы.

– Господин мачо, бросьте вы свои штучки! – шутливо нахмурилась Лена. – Я феминистка и терпеть не могу всякого псевдоджентльменского выпендрежа. Приглашаю вас я! А вы, будучи почти аборигеном, можете для начала, – Лена хихикнула, – продемонстрировать свою мужскую полноцен-

ность, выбрав приличное заведение.

– Ладно, разберемся, – сказал Павел, несколько ирониче-ски усмехнувшись.

Ресторанчик был небольшой, очень уютный, кухня – без изысков, но было вкусно. Небольшой оркестрик играл приятную музычку.

– Ну, судя по ресторану, вы вполне полноценный мужчи-на, – поощрительно улыбнувшись Павлу, сказала Лена, по-пробовав закуски и выпив бокал вина. – Потанцуем?

Где-то через час Лена поняла, что Павел, даром, что во-яка, которые обычно перли напролом при малейшем наме-ке, – похоже, из породы мужиков, с которыми надо прояв-лять инициативу самой. Поскольку он особой инициативы не проявлял. Когда Лена, закинув ему на шею руки, прижи-малась к нему своей немаленькой грудью, не стесненной под платьем бюстгальтером, – с удовольствием обнимал ее в от-вет. На следующей стадии – жаркие поцелуи в губы – тоже отвечал с удовольствием. Однако Лене уже хотелось секса, и сидеть в кабаке, пока господин офицер раскачается на бо-лее решительные действия, желания не было никакого.

– Ну, что, Паша, – промурлыкала она, поглаживая его ру-ку, – поехали к тебе или ко мне знакомиться еще менее фор-мально?

– Понимаешь, Лен, – Павел несколько замялся, – не обижайся, ты в принципе классная, но у меня, вообще-то, сегодня как раз назначено свидание с профессионалкой, к которой я хожу постоянно.

Никак не ожидавшая такого ответа Лена вылупилась на него, открыв рот. Потом сообразила:

– Ты любитель чего-то особенного? Садо-мазо там, или еще чего?

– Нет, – покачал головой Павел, – предпочитаю обычный секс.

– И тебе больше нравится трахаться с какой-то блядью, которой нужны только твои деньги, – поразилась Лена, – чем, извини за нескромность, с симпатичной девушкой, который ты понравился?!

Павел вздохнул.

– Лен, ты ведь не будешь утверждать, что страстно в меня влюбилась? Просто трахнуться хочется, так?

– Допустим. И что?

– А Син, к которой я собираюсь, можно сказать, близкий мне человек, хоть мы и знакомы всего пару месяцев. И профессионалка высокого уровня.

– Хочешь сказать, жалкие любители типа меня отдыхают?

– Лен, ты просто не понимаешь. Слушай, а поехали со мной? Син бисексуальна, можем групповичок устроить. У тебя как с ориентацией? Или просто трахнешься со мной, я в принципе не прочь, просто соскучился по Син и хочу

у нее побывать. В сауне посидим, Син делает изумительный массаж.

Лена в некотором обалдении уставилась в потолок.

– Ну, Пашка, и нахал же ты. Никогда еще от мужика не слышала, что он, типа, в принципе не прочь, но вот по любимой бляди соскучился. Ладно, поехали. У меня пробудилось то ли женское, то ли профессиональное любопытство. Хочу посмотреть на твою Син, а может, и попробовать ее. В принципе я бисексуальна, но последние годы только на мужиков тянуло. Официант, счет!

Официант удивленно посмотрел на Павла. Тот успокаивающе махнул ему рукой, мол, не бери в голову.

– Лен, я тут постоянный посетитель, у меня открытый кредит. Пошли.

– Сегодня плачу я, – уперлась Лена.

– Расплатиться тебе удастся, только если я разрешу. А я не разрешу.

– Я просто оставлю денег, и все!

– Тебе их завтра принесут в гостиницу.

– Ну, господин офицер, ты даешь, – удивилась Лена. – Настоящий мачо, типа, всегда делает по-своему?

Павел в очередной раз вздохнул.

– Лен, я что, сильно похож на мачо?

– Умеренно.

– Просто я воспитан в духе того, что ты назвала псевдо-джентльменским выпендрежем. Снизойди, пожалуйста, к от-

сталому и дремучему провинциалу, а?

– Ладно, черт с тобой, – рассмеялась Лена, – при такой постановке вопроса снизойду.

Подготовка к визиту произвела на Лену сильное впечатление. Вначале Павел искал какие-то особые тюльпаны. Потом розовый Мартини. Потом черный горький шоколад.

– Слушай, Паша, так ты в нее, что ли, влюблен? – спросила Лена. – Где бы мне найти поклонника, который бы ради меня так расстился.

– Да нет, не влюблен, а то бы я на ней, пожалуй, женился, – ответил Павел. – Просто она мне очень нравится. И она, вроде, тоже хорошо ко мне относится.

Син оказалась симпатичной женщиной, но отнюдь не красавицей, лет тридцати, среднего роста, худенькой, довольно ярко выраженного азиатского типа. Познакомившись с Леной в европейской манере, за руку, она, прикрыв глаза, прильнула к Павлу и потерлась об него, как кошка.

Вначале Син запустила их в сауну, не очень горячую, но душистую, возбуждающе пахнущую какими-то незнако-

мыми Лене травками. Потом положила Лену на кровать, скинула свой похожий на кимоно халатик и, оставшись обнаженной, стала делать ей массаж – на первый взгляд, обычный расслабляюще-разогревающий.

Но довольно быстро Лена почувствовала, что массаж точечный и явно эротически стимулирующий.

– Какая у тебя красивая грудь, Леночка, – промурлыкала Син, лукаво улыбаясь, и стала целовать и слегка покусывать ей соски. Лена аж изогнулась от блаженства. А потом Син, пристроившись у нее между ногами, несколько раз в рваном ритме лизнула ей самые чувствительные места.

– Еще-еще... – стонущим голосом попросила Лена.

– Попозже, милая, – прошептала ей Син на ухо, слегка куснув за мочку, так, что у Лены по всему телу прошла судорога, – вначале вы с Пашей. А то пришли, как два буки.

И Син перевернула ее на бок и продолжила свой колдовской точечный массаж, так, что у Лены через некоторое время слегка помутилось в голове. Потом она почувствовала, как ее обнимает и входит в нее сзади Паша. А Син легла спереди и, нежно целуя ее, начала ласкать в такт между ног...

Как это непохоже, успела подумать Лена, на дурацкие студенческие групповики, которые она вспоминала с легким отвращением... А потом от острого наслаждения все мысли как-то исчезли...

– Понимаю тебя теперь, – сказала Лена Павлу утром в машине. – Просто волшебница твоя Син. Сама буду к ней ходить. Взяла у нее визитку.

– Она тебе дала или ты взяла? – уточнил Павел.

– Я взяла. А какая разница?

– Син принимает с большим разбором, только тех, кто ей нравится.

– Ну, она была со мной такая ласковая.

– Она профессионалка и со всеми ласковая. Если человек ведет себя прилично.

– Думаешь, я ей не понравилась?

– Понятия не имею, Лен. Син человек восточный и совершенно непроницаемый.

Лена поерзала на сиденьи.

– Ты меня, что ли, вчера анально трахнул? Как-то все слегка в тумане, как после травки, – было классно, но помню обрывками.

– Нет, это ты попросила Син помассировать тебя вибратором, когда увидела, как она мне делает массаж простаты.

– А что такое массаж простаты? Не помню начисто.

– Чисто мужская фишка. Оно тебе как феминистке надо?

– Ну, бог с тобой. Ты, кстати, тоже оказался нежный и классный. Совсем на мачо не похож в сексе. Насколько

можно было разобрать с одного раза. Все со своей Синочкой после первого раза тусовался, сачок. Будешь еще со мной встречаться?

Павел хмыкнул:

– Лен, на хрена я тебе сдался? Вроде ведь еще не влюбилась?

– А вдруг влюблюсь? – кокетливо спросила Лена.

– Тогда я рассмотрю твою заявку.

– Нахал ты, Пашка. Жуткий нахал.

Через день Лена позвонила Син. Та была очень вежлива, но сослалась на большую занятость. Позвонив еще несколько раз, Лена обнаружила, что телефон Син на ее звонки не отвечает. Не хочет со мной, поняла Лена.

Почему-то после этого некоторая антипатия, которую у нее стал вызывать Павел, заметно усилилась.

Вечер накануне рейда Павел провел с Син.

– Что-то я с тобой совсем расслабилась, Пашенька, – сказала Син, пристроившись у него на плече после первого раза. – Ни массажа, ни сауны, прыгаю на мужика и волоку в по-

стель. Жалко, не хочешь ты на ночь остаться. Останься, а?
Бесплатный бонус любимому постоянному клиенту.

– Извини, Синочка, мне сегодня надо как следует выспаться. А ты на меня уж очень сильно действуешь, без всякого массажа и сауны, не высплусь я с тобой. И давай не будем опять заводить разговор о бесплатных бонусах. Ты и так мне выставляешь ставки, по-моему, раза в три меньше, чем обычному клиенту. Гусары, конечно, денег не берут, но надо и совесть иметь.

– Кто такие гусары и почему они денег не берут?

– Гусары – это были когда-то на Земле такие кавалеристы, лихие ребята. Про них есть древний анекдот. Ну, вместо гусаров можно вставить десантуру. Провел десантник ночь у девушки, встает утром, направляется к двери. «Эй, а деньги?» – кричит ему вслед девушка. «Десантура денег не берет!» – гордо отвечает солдатик.

– Смешно. Хорошие у вас, русских, анекдоты. А что это за девица, с которой ты приходил?

– Журналистка, сенаторская дочка. Ты на нее произвела сильное впечатление.

– Да, названивала она мне активно. Пришлось ее телефон в черный список внести. Чем-то ты ее достал, раздражена она на тебя была.

– Ей приспичило в тот вечер со мной трахнуться, а я хотел к тебе и, получается, вроде как ей слегка пренебрег.

– Что ж ты так с дочкой большого начальства. Я попыта-

лась замазать у нее возникший к тебе негатив, даже повнушала ей, – но, похоже, не получилось. Она тебе нагадить может?

– Вряд ли. Не очень понимаю, как. И зачем.

– Ты поаккуратнее с ней. Она сама по себе вроде девка и неплохая, специально гадить, думаю, не будет, но есть такие люди, что могут принести беду. Поверь моему восточному чутью. Лучше всего, трахни ты ее как следует, она и успокоится.

– Никого не хочу, кроме тебя, моя восточная царевна.

– О, да ты уже отдохнул, солдатик. Тогда иди ко мне...

Первые сутки операции, как Павел и ожидал, прошли без неожиданностей. Собственно, эти сутки он отводил на окончательное слаживание, – в принципе эту часть пути можно было бы рискнуть проскочить на транспорте. Большинство группы были, как и он, отставники-десантники с большим опытом диверсионной работы, его бывшие сослуживцы или просто знакомые. Однако Зубов пару недель назад придал ему троих местных, довольно крепких ребят, тоже отставников с боевым опытом, но обычных пехотинцев. Несмотря на интенсивные тренировки, по физо и навыкам они пока сильно отставали от остальных.

А на следующий день, под вечер, уже недалеко от зо-

ны, контролируемой «повстанцами» Казина, они по-дурацки вляпались. На речку, недалеко от которой они проходили, накануне человек тридцать наемников прилетели порыбачить и оттянуться на природе с девками. Сенсоры их охранного периметра засекали одного из новичков из группы Павла – и началась перестрелка, в которой случайно серьезно ранило одного из его старых сослуживцев.

Немедленно преследовать их наемники не стали, поскольку почти все были пьяны, да и без серьезной экипировки. Однако было понятно, что в ближайшее время к ним подоспеет подкрепление, и будет организовано преследование.

Выйдя из непосредственного огневого контакта, Павел связался с Зубовым и доложил ситуацию.

– Докладываешь в закрытом режиме? – уточнил Зубов, опасаясь, как бы любопытная журналистка через свои камеры не услышала чего лишнего.

– Как положено, – подтвердил Павел. – Забрало закрыто, канал командирский.

– Значит, говоришь, тяжелый раненый. А без него прямо сейчас сможете уйти? И выполнить задачу?

– Думаю, да. Но вы ведь не успеете эвакуировать раненого, подкрепление к противнику подойдет с минуты на минуту.

– Нестеренко, – сказал Зубов жестко, – эвакуация означает задержку группы и срыв операции. Что крайне нежелательно. Ты помнишь контракт, который вы все подписывали? Участие в боевых действиях. В которых иногда ранят

и убивают. Или ты и твоя группа отказываетесь от контракта? Со всеми вытекающими последствиями?

От контракта в подобных случаях, если клиент настаивал, отказываться было не принято. Не говоря уже о драконовских штрафных санкциях.

– Вас понял, – сухо сказал Павел. – Продолжаю операцию.
– Удачи.

И Зубов отключился.

Павел подошел к раненому и опустился на колени. Их обступили члены группы. Раненый открыл глаза и по лицу Павла все понял:

– Что, командир, концы? Эвакуации не будет?

– Да, Коля, – ответил Павел. – Хочешь сам или я?

– Давай ты, – сказал раненый. – А то двигаться больно.

Ребята, не поминайте лихом. Удачи.

И, прикрыв глаза, с некоторым усилием повернул голову на бок. Павел вздохнул и выстрелил ему в висок.

Встал и сказал:

– Придется побегать, чтобы оторваться.

Одна из камер Лены находилась буквально в паре метров от этой сцены, видно и слышно было отлично. Выстрел в висок в упор из штатного оружия десантников – зрелище для непривычного человека достаточно тошнотворное. Лена

чуть не сблевала прямо у пульта, еле успела добежать до туалета. А несколько придя в себя, в праведном гневе потребовала аудиенции у губернатора. Однако губернатора на планете не было, и ожидался он только на следующий день. Тогда Лена ринулась к Зубову.

– Что тут у вас происходит? – гневно начала она прямо с порога. – Свои расстреливают своих? Этот ваш Нестеренко кто – свихнувшийся кровавый маньяк? Я подозревала, что он псих! Или свел счеты с подчиненным?

– Это вы, Лена, о ситуации, когда Нестеренко дострелил тяжело раненого участника рейда? – уточнил Зубов.

– «Дострелил», – с омерзением повторила Лена. – Даже словечко у вас специальное есть.

– Лена, – попытался объяснить Зубов, – это же война. Бросить раненого было нельзя – узнали бы цель рейда, сорвалась бы операция. Да, наконец, просто замучили бы парня – у этих повстанцев полно всяких отморозков.

– Значит, надо было его защищать и вытаскивать! – вскричала Лена.

– Ну, Лена, поймите, во-первых, была бы абсолютно сорвана операция. Во-вторых, противнику туда в три раза ближе, чем нам. Было бы, – приврал Зубов для убедительности, – масштабное боестолкновение, и жертвы исчислялись бы не одним человеком, а, возможно, десятками!

На самом деле маленький воздушный флот колонии был все-таки заметно сильнее, чем у «повстанцев» Казина, так

что эвакуация раненого, скорее всего, прошла бы без проблем. Отказал в ней Zubov, чтобы проверить управляемость Нестеренко и его группы в жестких условиях.

– Мне все понятно, – вдруг успокоившись, сказала Лена. – Вас интересует только операция. А человеческая жизнь не значит ни-че-го!

И вышла, хлопнув дверью.

Рассосется, подумал Zubov. Подумает, придет в себя – глядишь, и прекратит закатывать истерики. Не прерывать же операцию – совсем было бы глупо. Пусть хоть Нестеренко этот плазмометатель рванет – легче будет разговаривать.

Однако не рассосалось. Вернувшись и встретившись с Леной, губернатор вызвал к себе Zubova.

– Ну что, – сказал Михаил Иванович, – похоже, эта придурочная Лена настроена загнать нас в глубокую жопу. Давай думать, что делать.

– А чего она хочет? – спросил Zubov.

– Она хочет, – с меланхолической задумчивостью ответил Михаил Иванович, – рассказать всему человечеству обо мне, бессовестном политикане, допустившем, что его подчиненные ни в грош не ставят человеческие жизни. А некоторые даже расстреливают несчастных раненых солдатиков. Видеоматерьяльчик у нее для публики впечатляющий.

Зубов напрягся.

– Не ссы, Зубов, – усмехнулся губернатор. – Тебя я не сдам. Хотя бы потому, что ты наверняка предусмотрел такой вариант, и от твоего компромата, будь ты живой или мертвый, я не отобьюсь.

– Ну что вы, Михаил Иванович... – вежливо сказал Зубов и потупился.

Губернатор вздохнул:

– Да и по сути ты в пределах своей компетенции все делал, как договаривались. Ты ж не политик, чтоб принимать политические решения, политик у нас как бы я... Так что давай конструктивно – что мы можем сделать? Я уже пообещал Лене отдать гнусного убийцу Нестеренко под суд. Но суд – это для нас с тобой как бы тоже пиздец. Поскольку Нестеренко вряд ли промолчит, что, наверное, просил эвакуации и ты ему отказал. Так?

– Так.

– А даже если мы убедим его промолчать – суд по такой скользкой теме для нас, как серпом по яйцам. Понаедут журналюги похлеще Лены, какие-нибудь комиссии, ревизоры и вообще хуй знает кто. Все, конечно, берут – но мы на этом разоримся. Что из этого следует?

– Что надо убирать Нестеренку, – вздохнув, сказал Зубов. – Как говорится, нет человека – нет проблемы. Жалко. Мужик крепкий, толковый. Хотя наемники его всерьез искали, группу он от них увел, плазмометатель таки взорвал.

Всех своих, кроме этого первого раненого, привел живыми. А может, Лене дать денег, чтоб заткнулась?

– Первая мысль, что у меня возникла, – хмыкнул губернатор. – Я ее осторожненько так прозондировал – и ты знаешь, пришлось делать вид, что я как бы неудачно выразился. То ли она не берет, и так все имея, то ли хочет бешеных бабок. Так что давай, организовывай акцию. Чем быстрее, тем лучше. Пока этой бешеной девке еще что-нибудь в голову не ебнуло...

Через пару дней в главной столичной газете планеты Русские Просторы в разделе криминальной хроники появилась заметка:

«Вчера усвоего дома был застрелен начальник отдела специальных операций Планетарной службы безопасности П. Нестеренко. По мнению наших источников в администрации губернатора, это дерзкое преступление осуществлено повстанцами и, по-видимому, связано с недавним успехом отдела П. Нестеренко – уничтожением неоднократно обстреливавшего столицу плазмометателя повстанцев...»

Доказательство

Этим жарким и душным летним вечером у Тропова были весьма конкретные планы: пара бутылочек холодного пива – и в койку.

Но человек предполагает... Как только Тропов открыл дверь, зазвонил телефон.

– Здравствуйте, – голос был мужской, человека лет пятидесяти, низкий, с неистребимым украинским акцентом. – Андрей Сергеич? Моя фамилия Петренко. Не могли бы мы встретиться буквально на полчаса? Очень важное и срочное дело! Нахожусь сейчас у вашего дома.

Тропов не на шутку раздражился.

– Вы, может, не обратили внимания – уже девятый час. Что горит и у кого?

– Извините, не телефонный разговор.

– Блин, слушайте, какие дела в такое время? Давайте спокойно договоримся на завтра.

– Андрей Сергеич, – Петренко то ли запнулся, то ли решил для убедительности выдержать паузу, – дело такое, что не мне, а нам с вами надо бы встретиться побыстрее.

Что бы сие значило, подумал Тропов, намеки какие-то, выражаясь на современном новоязе, гниловатые. Ладно, не так уж и поздно.

– Ну, окей. Домой, извините, не приглашаю...

– Да что вы, Андрей Сергеевич, – в голосе Петренко явно прозвучало облегчение, – зачем домой. Жду у подъезда.

На скамейке у подъезда сидел плотный, лысоватый человек – как и показалось Тропову по голосу, чуть за пятьдесят. Увидев Тропова, он встал, протянул руку:

– Андрей Сергеич?

– Он самый. Чем обязан?

– Очень приятно. Я Петренко Владимир Федорович. Давайте присядем.

Петренко был мрачноват и сосредоточен. И чем-то, как показалось сугубо штатскому Тропову, похож на отставного военного. Сев на скамейку, он полез в боковой карман.

– Посмотрите прежде всего мои бумаги.

«Бумаг» было всего две: паспорт и свежая справка из психдиспансера об отсутствии соответствующих заболеваний.

– Ну и? – уже особо не скрывая раздражения, спросил Тропов.

– Вчера со мной вступила в контакт внеземная цивилизация, – подчеркнуто медленно и внятно оказал Петренко.

Тропов скривился, отвернулся и начал вставать.

– От так и думал, шо побежите, – мрачно ухмыльнулся Петренко и неожиданно цепко придержал его рукой. – Ей-

богу, Андрей Сергеич, никаких глупостей делать не буду – ни вещать дурным голосом, ни этим... бластером размахивать. Послушайте пять минут старого дурака, а?

– Слабость меня когда-нибудь погубит, – пробурчал Тропов, нехотя присаживаясь, и демонстративно посмотрел на часы. – Пять минут – засекаю.

– Связались они со мной, – сказал Петренко, закуривая очередную сигарету, – во сне, где-то под утро. Ни лица, ничего, муть какая-то серая – и мужской голос. Ну, думаю, ни хрена себе, какая шиза поперла, как бы это проснуться, не потеряв крышу? А голос бодренько так заявляет: «Проснуться не получится, это не шиза и не сон, а важное сообщение».

Петренко вздохнул.

– Для них, видать, ситуация штатная: ну не верю я – и ладно, а он излагает. Якобы эти внеземные хлопцы выяснили, что скоро человечеству придет полный пипец. И необходимо срочное вмешательство.

Прикурив очередную сигарету, Петренко затейливо вымастерился. Таких художественных изысков Тропову слышать не приходилось. Вспомнились рассказы про какие-то флотские загибы.

– Вы, случайно, не флотский? – поинтересовался он.

– Та не, отставной майор-ракетчик, отставной козы барабанщик. С-суки, выпиздили на бескрайние просторы любимой родины, – пробормотал Петренко с неостывшей, види-

мо, за годы злобной обидой и глубоко затянулся.

Мужик-то в принципе забавный, симпатичный, подумал Тропов. Ну, едет малость крыша, как говорится, с кем не бывает. Однако было жарко и хотелось пива.

– В общем, как я понимаю, – жизнерадостно предположил он, – вы, в конце концов, проснулись и разрушили эту ситуацию? Может, в честь этого по бутылочке пивка?

Петренко от приятного предложения не то что не обрадовался, а даже как-то сник.

– Я ж вам не дорассказал, чего хотел от меня этот взеземной хлопец. А хотят они корректировать какое-то, типа, информационно-психологическое поле Земли. Он пытался подробно объяснить, но я, честно сказать, часть не запомнил, а часть не понял.

– И чего? – расслабленно поинтересовался Тропов.

– Да того, – каким-то надрывно-тусклым голосом сказал Петренко, – что эти инопланетные считают – для такого воздействия несколько человек должно покончить с собой! И вы лично и конкретно в том числе!

Совершенно рефлексивно Тропов резко отодвинулся, с трудом подавив желание встать.

– Та не бойся, – глухо, глядя в землю, сказал Петренко. – Нужно не убийство, а самоубийство. Чего-то он загнул про, как бы, критическую массу воли, побеждающей страх смерти. Я до этого знал только про критическую массу всякого радиоактивного говнища... Вот такая поебень.

«Твою мать, Владимир Федорович!» – незамысловато подумал Тропов, неожиданно даже вспомнив имя-отчество собеседника, и, как мог успокоительно, произнес: – Ну, представьте себя на моем месте! Не полезу же я в петлю на основании вашего рассказа. Мало ли что может присниться человеку!...

Тропов замолчал, ему показалось, что Петренко его не слушает. Но тот поднял глаза, покивал и сказал, сбившись на несколько заискивающую интонацию:

– Та понятное дело, Андрей Сергеич. Но еще десять минут, а? Доказательство-не доказательство, но типа того. Очень прошу. А? Кстати, вы ж пива хотели. Давайте в «Турист» зайдем?

Тропов задумался. Пожалуй, лучше разойтись с этим Петренкой помягче. Бояться его, кажется нечего. Да и пиво в «Туристе» неплохое.

– Ну, пошли, – сказал Тропов, вставая. И натужно пошутил: – Хоть пива приличного перед смертью выпить.

– Да, еще просьба, – сказал Петренко, – идите за мной шагах в десяти, будто меня не знаете. Ладно?

Тропов раздраженно пожал плечами, мол, как хотите. Нелепость происходящего опять начала его злить – что там еще этот мужик, не дай бог, учудит в кафе?

А Петренко, отдав свои детективные указания, направился через площадь, к окраинной, довольно зачуханной девятиэтажной гостинице «Турист», на крыше которой распола-

галась одноименная кафешка. Через несколько шагов он покосился через плечо, и Тропов неохотно пошел за ним.

Зайдя в кафе, Петренко направился к свободному столику у самого края крыши. Подойдя к нему, повернулся, нашел глазами Тропова, который в этот момент как раз входил в зал, внимательно и грустно на него посмотрел, – и вдруг с неожиданной ловкостью перелез через бортик крыши и рыбкой, вниз головой, как в воду, прыгнул вниз...

Спустя несколько лет в середине длинного и скучного корпоратива Тропов вдруг рассказал эту историю коллеге, большому сукину сыну, отвечающему в фирме за PR, человеку довольно умному и начитанному. Тот задумчиво помычал, что-то пережевывая. Потом вдруг изрек:

– Христианская коллизия...

– А причем тут христианство? – удивился Тропов.

– Ну, Андрюша, – с очаровательным, как бы маскируемым снобистским апломбом усмехнулся коллега, – Назарянин же вполне типичный самоубийца во благо человечества. Вспомни все эти Гефсиманские страсти, просьбы к отцу небесному – «если возможно, да минует меня чаша сия». Сомневался человек. Вполне ведь мог бы тихо смыться и продолжить карьеру мессии в более безопасном месте, чем Иерусалимский гадюшник.

Коллега подложил себе салатиков, выпил очередную рюмку и глубокомысленно предположил:

– А анализируя психологически, может, кому-то нужно было стимулировать совсем не твое самоубийство, а этого Петренко? Подумай, какая классически красивая подстава!

– Ну что ж, – сказал Тропов, – буду надеяться, что это действительно так.

Человеческий компонент

– Привет, Малыш, – поздоровалась Надежда, заходя в од-
номестную палату.

– Привет, Надюш, – ответила Малыш, отвернувшись
от компьютера, на котором она делала мнемонический тест,
и радостно улыбнулась.

– Как дела? – спросила Надежда, садясь рядом.

– Все так же, – скорчила грустную гримаску Малыш. –
Ничего не могу вспомнить – ни кто я, ни как меня зовут...

Положение ее было куда печальнее, чем она могла пред-
положить. Малыш была только что созданным исследова-
тельским андроидом инопланетян. При ее формировании
произошел серьезный сбой: база профессиональных знаний
и навыков «не встала». Из заложенного в мозг были доступ-
ны для осознания только общие представления о жизненных
реалиях и огрызок методического инструментария – поче-
му-то матстатистика. В таком виде Малыш была, по сути,
бракованным изделием и подлежала эвтаназии.

Надежде, одному из врачей миссии, естественно рожден-
ному существу в андроидной оболочке, Малыша было жал-
ко. Та почему-то была ей симпатична, если можно в подоб-
ном случае так выразиться, просто по-человечески. К то-
му же своим эмпатическим сканером Надежда чувствовала,
что симпатия эта взаимна. Правда, со стороны Малыша она

имела в значительной степени сексуальный характер – та была весьма экзотическим вариантом андроида: сконструированным специально для изучения маргинального секса аборигенов гермафродитом с развитой грудью, но мужскими половыми органами.

Сексуальный интерес Малыша Надежде почему-то немножко льстил, хотя в основном смущал: на родине она была рабочей особью насекомоподобной расы с рудиментарными половыми органами и полностью подавленной в процессе воспитания сексуальностью. Человеческий секс для нее был вещью теоретически как бы понятной, но абсолютно чуждой и даже вызывающей отвращение. Она сразу с облегчением воспользовалась опцией андроидной оболочки – полностью выключила сексуальные аспекты восприятия. Тем более, что этого требовал инструктаж на ее родной планете: иное существо ее касты не подобало.

Малыш поработала по разным методикам с помощью Надежды пару часов – как обычно, без всякого успеха.

– Давай чуть-чуть отдохнем, – попросила Малыш. – Может, скажешь все-таки, как меня на самом деле зовут?

– Я ж тебе объясняла, Малыш, – ласково сказала Надежда. – Может сформироваться блокирующая ложная память. Побудь пока Малышом.

И потрепала ее по руке. Та взяла ее руку и нежно поцеловала ей ладонь.

– Ну что ты, – смущенно сказала Надежда, остро почув-

ствовав эмпатическим сканером исходящую от Малыша волну желания, и попыталась выволить руку. Малыш отпустила руку, но внезапно обняла ее за шею и поцеловала в губы. А потом, прильнув к ней, прошептала:

– Ты такая красивая, Надюш. Я так тебя хочу...

Бедное существо, подумала Надежда. Пусть хоть получит удовольствие перед смертью. Противно, конечно, что все записывается и кем-то будет просмотрено... Да и ладно. У многих рас ведь развлечения с андроидами широко распространены. Какой бы вариант попроще выбрать этого их странного секса...

Она взяла миниатюрную Малыша на руки – отчасти потому и прозвала ее так, что сама была гораздо выше и крепче, – отнесла на кровать, приспустила ей пижаму, села рядом, осторожно взяла в руку ее напрягшийся член и стала его массировать, подлаживаясь к улавливаемым своим эмпатическим сканером ощущениям Малыша. Та застонала, приподняла бедра – и через несколько движений Надежда эмпатически почувствовала острый взрыв наслаждения Малыша, который ее как бы слегка оглушил...

Потом вдруг она, слабо посопротивлявшись, уже сама оказалась лежащей на кровати, а Малыш, устроившись у нее между ног, пыталась ее возбудить языком и руками.

– Надюш, пожалуйста, кончи, – оторвавшись на секунду, попросила жалобно Малыш. Ну, какой от этого может быть такой уж вред, промелькнуло в затуманенном сознании На-

дежды, – и она, включив сексуальное восприятие, удивилась необычности и остроте ощущений. И вдруг почувствовала собственный, первый в жизни, ошеломивший ее оргазм...

– Может, что-нибудь вспомнила? – поинтересовалась, придя в себя, Надежда. Эмоциональные встряски иногда пробуждали заблокированную память.

– Ну, разве что, – хихикнула Малыш, – про такую классную штуку, как минет. Хотя, на самом деле, и так помнила.

– Ладно, соблазнительница, давай-ка я пойду по делам, – сказала Надежда, вставая, приводя одежду в порядок и чувствуя, что ей не хочется уходить от этого маленького ласкового существа. – А ты после обеда повтори, пожалуйста, цикл упражнений.

Ночью Надежда почти не спала – от переживаний и размышлений, как бы спасти Малыша.

Утром оказалось, что прогресса в восстановлении памяти у той по-прежнему нет. И по всем признакам не предвидится. Еще раз обдумав ситуацию, Надежда пошла посоветоваться к одному из руководителей российского филиала

миссии. На Земле он пользовался человеческим псевдонимом Юрий Петрович Иванов.

– У меня к вам, Юрий Петрович, – неуверенно начала Надежда, – такой специфический вопрос. Я веду сейчас дефектного андроида, который, видимо, подлежит выбраковке. Нет ли возможности оставить ее в живых? Например, перевести в статус аборигена? Может быть, я могу ее выкупить и отпустить? Она в принципе достаточно социализирована...

Иванов улыбнулся, и Надежда почувствовала исходящую от него волну доброжелательности. Естественно рожденные инопланетяне имели возможность в оболочке андроидов экранировать друг от друга свои эмоции и обычно делали это автоматически. Однако своеобразной невербальной формой общения было кратковременное снятие эмпатического экрана.

– Сложный вопрос. Без всяких причин это как бы не рекомендуется. Но жесткого запрета нет. Вероятно, андроид, о котором вы говорите, – ... э-э... психологически интересный экземпляр и вы сможете обосновать целесообразность проекта наблюдения за ней в среде аборигенов? Но надо будет тщательно убрать все... э-э... чужеродные ментальные элементы.

– Конечно! Большое вам спасибо! – обрадовавшись, что проблема, которая казалась ей едва ли не безнадежной, решилась так легко, воскликнула Надежда. И послала Иванову

«вспышку» благодарности.

– Я надеюсь, вы не обидитесь, – сказал Иванов осторожно, – если я позволю себе коснуться ваших... э-э... отношений с этим андроидом.

– Слушаю вас, – насторожилась Надежда.

– Я хотел бы подчеркнуть, что как должностное лицо меня это абсолютно не касается и не беспокоит. Однако, немного зная обычаи и правила вашей цивилизации, я бы предположил, что в случае... э-э... слишком близких отношений с кем бы то ни было, в том числе с этим андроидом, у вас будут очень серьезные проблемы после возвращения на родину. Кстати, среди нашего персонала есть ваши соотечественники. Вы в курсе?

– Нет, – ответила Надежда. – И насчет проблем не очень в курсе – дома я с ними не сталкивалась.

– Тогда позвольте дать вам совет: посмотрите описания вашей цивилизации, принадлежащие другим расам.

– Спасибо, обязательно это сделаю.

– Вам самой затруднительно будет придумать хорошую легенду для вашей ...э-э... подопечной – кто она, откуда взялась и так далее. Да и как-то надо ее пристроить в новой жизни.

Надежда несколько растерянно кивнула – об этом она еще не думала.

– Полагаю, – сказал Иванов, – вам с удовольствием помогут советом Катерина Миронова и ее муж Сергей Гуров.

Катерина сама андроид и недавно была переведена в статус аборигена. Муж ее – абориген. Можете с ними разговаривать вполне откровенно.

Катерина действительно отреагировала на звонок Надежды очень доброжелательно и немедленно пригласила ее в гости.

Надежда слабо ориентировалась в земных реалиях и в силу чуждости своей цивилизации, и из-за отсутствия опыта: на Земле она находилась всего пару месяцев и даже ни разу не выходила сама за территорию миссии. Из заложенной в мозг куцей информации о местных обычаях было понятно только, что в гости желательно приходить хотя бы с символическим подарком. В Интернете ей попалась правдоподобная ссылка «Женские страсти – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭТИКЕТА» – Надежда знала, что у аборигенов этикет поведения мужчин и женщин довольно сильно различается. И прочла про подарки: «Цветок хозяйке или красивый бисквит к столу никогда не будут лишними».

Первый раз в жизни столкнувшись с московскими проблемами, Надежда опоздала почти на час. Опоздание ее сильно беспокоило – на сайте «Женские страсти» подчеркивалось, что: «больше чем на полчаса может опоздать только очень важная персона».

Впрочем, в спектре эмоций открывшей ей дверь Катерины присутствовала только доброжелательность, без оттенков раздражения или обиды.

– Извините, пожалуйста, что я так ужасно опоздала, – жалобно попросила Надежда, вручая цветы и бисквитный торт. И, уловив легкое удивление по поводу своих подарков, осторожно спросила:

– Кажется, я что-то напутала? Извините, я очень плохо знаю этикет аборигенов – первый раз вышла за порог миссии.

Катерина улыбнулась:

– Ничего страшного, научитесь. Просто в России женщины дарят цветы женщинам только в особых случаях – на день рождения, например. Но мне очень приятно для разнообразия получить в подарок цветы не только от мужчины.

Надежда вдруг подумала – а насколько вежливо ей как гостю пользоваться эмпатическим экраном, которого нет у хозяйки-андроида? И решительно убрала свой экран – чувствуя себя при этом примерно как человек, внезапно лишенный одежды.

Она была тут же вознаграждена пришедшим от Катерины сильным импульсом искреннего уважения и симпатии.

– Вы удивительное существо, Надежда, – сказала Катерина. – Мне 620 лет...

– Сколько?! – переспросила Надежда.

– 620. А что? У андроидов же теоретически очень боль-

шой ресурс.

– Не знаю, как теоретически, а практически средний срок жизни специализированного исследовательского андроида на Земле – около ста пятидесяти лет. Мне случайно попалась цифра.

– Интересно, – удивилась Катерина. – Я думала по своим знакомым, что больше. Так вот, за 620 лет вы второе естественно рожденное существо, которое при общении со мной полностью убрало эмпатический экран. Но что мы стоим в прихожей, проходите, пожалуйста.

Муж Катерины тоже излучал спокойную, ровную доброжелательность. К удивлению Надежды, он поцеловал ей руку. Про этот вариант приветствия она не знала.

Катерина засмеялась.

– Обычай целовать дамам ручку вышел из широкого употребления в России почти сто лет назад. В обычной жизни его используют лишь оригиналы вроде моего мужа. Серега, насколько целование ручки сочетается с шортами и майкой?

– Лето, жарко, – пожал плечами Сергей. – И вообще, не позорь мужа, женщина.

Надежда осторожно улыбнулась. Сцена, которую она наблюдала, формально напоминала супружескую перепалку. Но и Катерина, и Сергей испытывали друг по отношению к другу только положительные эмоции. Видимо, она наблюдала человеческий юмор, который не имел аналога в психологии ее расы.

– Выпьете вина? – предложила Катерина. – Это не противоречит вашим правилам и обычаям?

– Наверное, нет, – неуверенно ответила Надежда. – На моей родине существа моего... статуса наркотических веществ не употребляют, это не принято. Но здесь все равно метаболизм моей оболочки почти сразу разрушает наркотики.

– Тогда попробуйте для начала наркотическое вещество «розовый мускат», – усмехнулся Сергей. – За приятное знакомство!

Надежда, несколько неловко чокнувшись, осторожно попробовала жидкость. Присутствовавшее в ней небольшое количество алкоголя делало вкус пикантным и гармоничным.

– Интересно чувствовать себя в роли совратителя по отношению к представителю иной расы, – сказал Сергей. – Ну, как?

– Очень вкусно!

– Давайте считать, что ритуал знакомства соблюден, – предложила Катерина. – Я сгораю от женского любопытства, Надежда.

Во время своего рассказа про Малыша Надежда опять, как в разговоре с Ивановым, почувствовала симпатию и уважение со стороны слушателей. Это было приятно – и Катерина, и Сергей ей понравились.

– Давайте вначале обсудим простейший вариант, – предложила Катерина. – Говорите девушке, что ее нашли без сознания. Близких найти не удастся. Простота этой легенды

обеспечивает ее высокую устойчивость. А?

– Она не девушка, а гермафродит, – уточнила на всякий случай Надежда. – Но это, наверное, не имеет значения?

И почувствовала странную смесь эмоций Сергея – отвращение к гермафродитам и стыд за это отвращение.

– Извините меня за такое восприятие вашего... вашей пациентки, – смущенно сказал Сергей, уловив ее удивленный взгляд. – Видимо, это как-то связано с воспитанием, мне трудно полностью его преодолеть.

– Я понимаю, – кивнула Надежда. – У меня тут часто возникают похожие ситуации. Например, я испытываю примерно такое же отвращение к аборигенному сексу. И мне тоже трудно его преодолеть.

Сергей и Катерина переглянулись – и расхохотались.

– Извините, – жалобно-удивленно сказала Надежда. – У меня, к сожалению, нет чувства юмора.

Это почему-то вызвало новый взрыв смеха.

– Ничего, Надя, – посмеиваясь, сказал Сергей. – Может, со временем и чувство юмора прорежется.

– Для гермафродита, – сказала Катерина, – еще правдоподобнее, что не удалось найти близких. А насколько она внимательная и, так сказать, въедливая? Будет ли, например, разбираться, почему с ней возились в хорошей клинике? Легализовали? Для России ведь это нехарактерно. Возможно, полезно блокировать какие-то воспоминания.

Надежда подумала и покачала головой:

– Вряд ли. Но спасибо за соображения, я обязательно ее протестирую поглубже.

– Значит, с базовой легендой, вроде, понятно, – констатировала Катерина. – Имя, отчество, фамилию пусть выбирает себе сама? Она как, достаточно ориентируется в реалиях? Не выберет себе имя какой-нибудь певицы или что-то в этом духе?

По-моему, с реалиями у нее могут быть проблемы – сказала Надежда. – Не могли бы вы, Катерина, с ней пообщаться?

– Конечно, с удовольствием, – ответила Катерина.

– А что касается имени – нельзя ли придумать какой-то вариант? – попросила Надежда. – Я скажу ей без нажима, что это ее вероятное имя, но она может выбрать любое другое. А вы подкорректируете при необходимости.

– Никогда никому не давала имени, – задумалась Катерина. – Сереж, а скажи, что ли, какое-нибудь любимое латинское изречение.

Сергей пожал плечами.

– Извиняюсь за произношение – вита брэвис, арс лонга. Это поговорка на одном из древних языков, – пояснил он Надежде. – Один из канонических переводов: «Жизнь коротка, искусство вечно». На самом деле «арс» – это искусство в очень широком смысле слова: умение, мастерство, наука.

– Как насчет имени «Вита»? – спросила Катерина. – Звучит красиво. И значение хорошее – жизнь. А вам как, Надежда?

– Я не чувствую язык, – пожалала та плечами. – Полностью доверяю вам. Значение мне нравится – она очень такая... живая. А фамилии ведь часто происходят от имен? Как звучит «Катерина» или «Сергеева»?

– «Катерина» – слишком вычурно, лучше Катина, – предложил Сергей. – Вполне симпатичная фамилия.

– Ну, тогда отчество – Сергеевна, – засмеялась Катерина, слегка покраснев от удовольствия.

– Как-то это нескромно, Надежда, – засомневался Сергей. – Кто мы такие, чтобы в нашу честь давать человеку имя?

– Почему нескромно? – удивилась Надежда. – Вы же ей помогаете.

Она чувствовала, что дающим имя действительно приятно, что имя дается в их честь, – а значит, можно надеяться, что оно окажется счастливым.

– Как бы ее пристроить для начала, – задумалась вслух Катерина. – Может, просто в институт какой-нибудь, пусть учится? Готовы ли вы оплачивать ей учебу? Скорее всего, это в пределах двухсот-трехсот тысяч рублей в год.

– Никаких проблем, – сказала Надежда.

– А как она отнесется к тому, что вы будете платить за ее учебу? – спросил Гуров.

– Надеюсь, нормально. У нас хорошие отношения.

– Можно сказать, что вы одалживаете ей эти деньги, – сказала Катерина. – А вернет, когда сможет. Но часто люди,

оказавшись в слишком комфортной ситуации, оказываются этим развращены. Может быть, лучше устроить ее на вечернее отделение? И на работу – пусть зарабатывает себе на жизнь? Хотя бы частично? Все-таки дисциплинирующий фактор.

– Когда ее, так сказать, выпустят в жизнь? – спросил Сергей.

– Медицинские вопросы, вероятно, будут решены через пару дней, – ответила Надежда. – А вот про легализацию не знаю.

– Легализация, думаю, займет около недели, – сказала Катерина.

– У нее есть какая-нибудь квалификация? – спросил Сергей.

– Только матстатистика, – ответила Надежда.

– Тогда я, наверное, мог бы пристроить ее к своим знакомым социологам.

– Замечательно! – обрадовалась Надежда. – Большое спасибо!

– Вот еще что, – сказала Катерина. – Для адаптации надо бы вам с ней пожить хотя бы один-два месяца.

– Я так и планировала.

– Правда, она ведь быстро поймет, что вы ориентируетесь в местной жизни не лучше ее. Как это объяснить?

– Может, использовать близкую к правде версию, что вы недавно приехали из-за границы и из соображений секрет-

ности не можете рассказать, откуда? – предложил Сергей. – Вряд ли она сейчас сообразит, что это не очень правдоподобно. А тем временем вы тоже адаптируетесь, и вопрос более-менее отпадет.

– Наверное, так и сделаю, – согласилась Надежда. – По крайней мере, ничего другого в голову не приходит.

– Ну что, за счастливую жизнь вашей подопечной, – предложил тост Сергей.

– Уже и вашей тоже, – улыбнулась Надежда, поднимая бокал.

На следующий день Вите разрешили смотреть телевизор и пользоваться Интернетом – и Надежде пришлось просить Катерину приехать и поотвечать на вопросы Виты, от которых та чуть не лопалась.

Под вечер Катерина предложила Надежде посидеть во внутреннем дворике миссии.

– Вас что-то беспокоит? – спросила Надежда, почувствовав, что Катерина чем-то озабочена.

– Может, перейдем на «ты», Надь?

– С удовольствием, – улыбнулась Надежда.

– Меня беспокоит, – вздохнула Катя, доставая сигареты и закуривая, – не столько Вита, у нее, думаю, так или иначе все наладится, сколько ты.

– Я?! – удивилась Надежда.

– Да, Надя, у тебя могут быть серьезные психологические проблемы. Ты разрешишь мне говорить о ваших отношениях с Витой?

– Буду признательна, если что-то посоветуешь.

– Понимаешь, вы относитесь друг к другу, так сказать, очень несимметрично. У тебя это любовь, о чем ты, кажется, не догадываешься. Тебе, видимо, это чувство незнакомо?

– Мне дома вообще были незнакомы эмоции, связанные с чем-либо вроде секса. Да и сейчас к человеческому сексу у меня очень странное отношение.

– Так ты сама хочешь, чтобы Вита была твоей любовницей?

– Хочу, – помолчав, ответила Надежда.

– Проблема в том, что она испытывает к тебе не более чем довольно сильные симпатию и сексуальное влечение. При этом у нее явная склонность иметь одновременно несколько сексуальных партнеров и часто их менять. Она, наверное, проектировалась для исследования сексуального поведения аборигенов?

– Да.

– Мне такой поведенческий стереотип хорошо знаком на собственном примере, потому что анализ сексуального поведения был и моей основной специализацией. Как тебе будет, когда вокруг Виты завертится вихрь любовников?

– Мне будет неприятно, – тоскливо ответила Надежда. –

А ты уверена насчет вихря любовников? Ведь большинство людей, кажется, испытывает к гермафродитам отвращение.

– Уверена практически абсолютно. Она ко всему прочему редкостно привлекательна для гермафродита. Есть категория любителей, которые просто из кожи вон будут лезть, добиваясь ее. И если ты хочешь быть постоянным, как бы семейным партнером Виты, тебе надо заранее привыкать к ситуации и научиться скрывать ревность. Ты не обязана, конечно, радоваться ее увлечениям. Но она всегда должна чувствовать себя с тобой психологически комфортно. Как дома. Понимаешь?

– Да, – кивнула Надежда.

Когда Надежда закрыла дверь за таксистом, притащившим их небольшой багаж, Вита подскочила к ней, обняла и потащила к кровати.

– погоди, малыш, – стала неуверенно отбиваться Надежда, – давай разложим вещи!

– Успеем! Обещала ведь: дома – никаких отговорок!

И вдруг, смутившись, спросила:

– А тебе не неприятно со мной? Я ведь не мужчина, а непонятно кто...

– Ты понятно кто – мой малыш...

– Тебе не тяжело? – спросила Вита. – А то я по тебе растеклась, как лужица. Такая слабость блаженная.

– Нет, мне даже приятно.

– С мужчинами тебе, наверное, гораздо лучше?

– Мне лучше всего с тобой.

– Не обманываешь?

– Клянусь священной Матерью-Прародительницей, что мне с тобой гораздо лучше, чем со всеми мужчинами, которые у меня были! Это самая сильная клятва у меня на родине.

Надо же, как я абсолютно правдиво высказалась насчет мужчин, подумала Надежда.

А Вита не унималась.

– Вот прямо гораздо лучше? Чем со всеми-со всеми твоими мужчинами?

– Лучше, чем со всеми-со всеми. В среднем, мне кажется, примерно в четыре с половиной раза.

Вита засмеялась.

– А мне казалось, у тебя плоховато с юмором.

– Действительно, плоховато, но вот, оказывается, иногда прорезается.

– А сколько у тебя было мужчин? Наверное, много? Ты такая симпатичная.

– Нет, немного.

– А сколько?

– Секрет.

– А анальный секс ты пробовала?

– Нет.

– Считаешь, это плохо?

– Нет, почему. Просто как-то не доводилось.

– Мне бы хотелось попробовать. С мужчиной. Можно?

Права, видно, Катя насчет будущего вихря любовников, подумала Надежда. И ответила:

– Почему ты у меня спрашиваешь разрешения? Ты свободный взрослый человек. Я тебе не хозяйка, а подруга.

– А ты не будешь ревновать?

– Немножко, наверное, буду. Ничего страшного.

– Ну, раз тебе будет неприятно, я, наверное, лучше обойдусь. А давай с тобой попробуем анальный секс?

– Давай. Только лучше завтра, ладно?

Через несколько дней Надежде вечером неожиданно позвонил сотрудник службы безопасности и попросил разрешения заехать по срочному вопросу. Звонок этот Надежду несколько удивил, однако служба безопасности присматривала за ней и дома, поэтому причина для визита вполне могла быть – хотя бы какая-то чисто техническая. На видеофо-

не она увидела андроида, которого неоднократно встречала в офисе, поэтому впустила его без всяких опасений.

Представившись Юрием, безопасник спросил:

– Не могли бы мы поговорить наедине?

– Пожалуйста. Садитесь, – предложила Надежда и села сама. – Вита, не могла бы ты нас оставить?

– Конечно, – сказала Вита и, закрыв за собой дверь, вышла из гостиной.

– Я пришел, – сказал Юрий, – помочь тебе искупить свои грехи. Ты знала, что члену твоей касты ни в какой форме не подобает имитировать процесс размножения. Ибо он священен и осуществляют его только избранные природой и Матерью-Прародительницей.

И он положил ей на колени слегка похожий на серп нож для ритуальных самоубийств.

– Ты знаешь, что наиболее достойным и полностью искупающим грех будет, если ты сделаешь это сама. Но при необходимости я тебе помогу.

И Юрий достал еще один такой же нож.

– Разве меня не восстаноят? – удивилась Надежда. – Базовая матрица моей личности записана, поток сознания транслируется через ментальное поле.

– Я стер твою базовую матрицу и заблокировал твой канал трансляции.

– Кто вынес мне приговор? – спросила Надежда, помолчав.

– Его вынесли на родине. Надеюсь, ты не думаешь, что способна мне воспротивиться? – и Юрий достал левой рукой пистолет. – Но я благочестив, не хочу делать этого без крайней нужды. Все хотят добра твоей душе и надеются, что ты сможешь достойно искупить свой грех.

– Что будет с Витой? – спросила Надежда.

– Со спасенным тобой уродом? – удивился Юрий. – Ничего, нас она не интересует.

– Поклянись!

– Клянусь священной Матерью-Прародительницей, что этому существу не будет причинено никакого вреда!

– Хорошо. Но я все-таки хочу, чтобы ты дал ей уйти. Или тебе придется убить меня самому.

– Она может кого-нибудь позвать.

– Я ей объясню, что звать никого не следует. Она испугается и быстро уедет.

Поколебавшись, Юрий согласился:

– Хорошо, ради твоей души я готов рискнуть.

– Вита! – позвала Надежда.

Вита зашла – и, увидев оружие, застыла:

– Что происходит?!

– Малыш, – успокаивающим голосом сказала Надежда, – ты ничего не можешь сделать. Это... вроде дуэли. Уходи, езжай к Кате. Она тебе поможет. Не вздумай никого звать, милицию или еще кого. Не забудь мобильник.

– Хорошо, – всхлипнув, сказала Вита и скрылась в при-

хожей.

– Подожди немного после того, как она уйдет, – и я все сделаю, – тихо сказала Надежда Юрию.

Тот кивнул, цепко контролируя каждое ее движение.

В это время на пороге комнаты опять появилась Вита и швырнула в Юрия маленькой, но тяжелой керамической вазой, сильно задевшей его по голове. Он вскочил, пошатнулся и, перейдя в «быстрый режим» – передвижение, ускоренное в несколько раз по сравнению с доступным человеку, – рванулся к Вите. Однако Надежда, также в «быстром режиме», догнала его на середине комнаты и рубанула сзади ножом по шее...

Перенеся на кровать упавшую в обморок Виту, Надежда позвонила Иванову на мобильный.

– Извините, что беспокою вас вечером, Юрий Петрович, но ко мне домой явился мой соотечественник и повел себя... очень неадекватно, – сказала она. – Возникли серьезные проблемы. Решила позвонить не в службу безопасности, а вам.

– Совершенно правильно сделали, – ответил Иванов. – Сейчас разберусь.

Иванов приехал с группой безопасников. Пока те работали, Надежда пригласила его в свою комнату.

– Как один из руководителей миссии, – сказал Иванов, – приношу вам глубокие извинения. Будут приняты дополнительные меры по вашей охране.

– Ну и Вита всегда за меня заступится... Мы вот с Катериной думали, куда ее на работу устроить, – может, в нашу службу безопасности?

Иванов улыбнулся.

– Оказывается, это неправда, что у вашей расы нет чувства юмора?

– Нет, правда. Это у меня человеческий компонент как-то странно развился.

– Вита, действительно, молодец. Да и вы меня поразили своей ловкостью и решительностью.

– Но что будет со мной дальше? – спросила Надежда.

Иванов вздохнул.

– Инициаторы покушения столкнутся с такими серьезными претензиями и санкциями за безобразное нарушение юрисдикции, что и думать забудут о чем-либо подобном. Однако насколько я знаю вашу цивилизацию, вас лишат гражданства. Но это совершенно не помешает вам работать здесь. Многие расы также принимают изгнанников вашей цивили-

зации.

– До конца жизни существовать вдали от родины, в оболочке... – вслух подумала Надежда. Потом встряхнула головой:

– Извините, это не ваши проблемы. Я ведь по сути сама виновата. Вы меня даже предупреждали...

И уловила импульс искреннего, горячего сочувствия.

– Я всегда рад по-дружески вам помочь, – сказал Иванов. – Всем, чем смогу.

– Спасибо, – грустно улыбнувшись, Надежда легонько погладила Иванова по руке. И отдернула руку – телесные контакты андроидных оболочек при межрасовом общении были не приняты.

– Ой, извините, пожалуйста! Опять этот человеческий компонент!

Иванов улыбнулся.

– Мне очень нравится ваш человеческий компонент.

Вита среди ночи проснулась и залезла в постель к Надежде.

– Надюш, это все было? Мне не приснилось? В гостиной никаких следов.

– Все было, герой, ты на самом деле меня спасла.

– Просто я за тебя ужасно-ужасно испугалась. А ты потом

спасла меня.

– Я тоже просто за тебя ужасно-ужасно испугалась.

– Ты, оказывается, такая быстрая и ловкая. А обычно так плавно двигаешься, как королева. А тут – раз! Как вихрь! Я даже не очень поняла, что ты сделала. Ножом по шее, ага?

– Ага.

– Ужас, как он хрипел! И сколько кровищи! Слушай, мне одной плохо, можно, я посплю с тобой?

– Конечно, малыш.

С тех пор Вита спала с Надеждой – все то недолгое время, что они жили вместе.

Через несколько дней в миссию пришло уведомление о том, что Надежда лишена гражданства и возвращение на родину ей запрещено. Иванов, передав его Надежде, официально подтвердил, что контракт ее остается в силе.

Вскоре Вита нашла в Москве несколько мест тусовки сексменьшинств, где она чувствовала себя своей, и почти все вечера стала проводить там. За ней начал ухаживать один крупный бизнесмен, человек взрослый, незаурядный и ум-

ный. И Вита не устояла – поехала, бросив работу, отдохнуть с ним в Испанию. А вернувшись, стала его постоянной любовницей. Желая Вите добра, он сделал примерно то же, что когда-то советовала Катя: устроил ее в университет и на работу в одну из компаний своего холдинга.

В августе Вита еще пару раз заехала к Надежде и иногда звонила. А в сентября, начав учиться, пропала совсем.

Окружающее уже не казалось Надежде таким чужим, и она стала находить некоторый вкус в чтении литературы аборигенов – в основном, фантастики, там зачастую не нужно было вообще знать никаких реалий.

Однако все-таки ей было очень плохо. Она тосковала по Вите, по родной планете, по своему настоящему телу. Жизнь становилась все более серой и тягостной...

Как-то вечером ей позвонил Иванов и попросил разрешения заехать в гости.

– Какой-то срочный вопрос? – спросила Надежда, пригласив его в гостиную. Недавно она переехала в квартиру поменьше – в той, которую они когда-то занимали с Витой, бы-

ло пустынно и слишком много воспоминаний.

Иванов задумчиво потер лоб:

– Даже не знаю, как ответить на ваш вопрос. Раз у вас теперь есть чувство юмора, позволю себе рассказать ...э-э... анекдот. Вернее, кусочек из одной детской книжки аборигенов. Почтенная дама заявляет, что на каждый вопрос можно ответить «да» или «нет». А ее собеседник спрашивает: «Хорошо, тогда скажите, вы уже перестали пить коньяк по утрам?»

Катерина рассмеялась:

– Как раз такие шутки, связанные с логикой, мое чувство юмора понимает неплохо. Но ваш анекдот напомнил мне, что я негостеприимна. Хотите коньяка? Я к нему пристрастилась последнее время. Или чаю?

– С удовольствием выпью немного коньяка.

Надежда достала бокалы, и Иванов налил коньяка Надежде и себе. И сказал, приподняв бокал:

– У меня на родине есть обычай, похожий на произношение тостов. Один из таких как бы тостов звучит примерно так: пусть каждый из нас сможет сделать в жизни то, что он может.

– Кажется, догадываюсь, зачем вы пришли, – сказала Надежда, пригубив.

Иванов покачал головой.

– Это было бы довольно странно, потому что я, честно говоря, сам толком не знаю, зачем конкретно я пришел. Впро-

чем, могу, по крайней мере, объяснить повод: вы отказались от резервирования своей личности.

– Вот тут бдительность службы безопасности оказалась на высоте, – усмехнулась Надежда. – И что? Попытаетесь уговорить меня изменить решение?

– Нет, я считаю, что разумное существо имеет право распоряжаться своей жизнью и смертью.

– А чего же вы тогда хотите? – удивилась Надежда.

– Я только знаю, что не хочу, чтобы вы умерли. Но не знаю, как этого добиться...

И Иванов убрал свой эмпатический экран. Надежда поразились силе и остроте обращенных на нее сочувствия, страха ее потерять, боли от предчувствия потери... Как замороженная, она встала, подошла к нему, погладила по щеке. Иванов осторожно встал и неуверенно обнял ее за талию. Он был немного ниже, и она чуть наклонилась, чтобы поцеловать его. И сказала:

– Как уполномоченный представитель своего человеческого компонента должна сообщить, что он очень заинтересовался вашим человеческим компонентом...

– Ужасно давно мне не было хорошо, – сказала Надежда, пристраиваясь у Иванова на плече.

– То есть я могу робко надеяться отвлечь тебя от мыслей

о смерти?

– И зачем тебе возиться с асексуальной особью из профессиональной касты общественных насекомых?

– Видимо, случившиеся у тебя только что два оргазма – особо яркие проявления твоей асексуальности? А способна ли асексуальная особь покончить самоубийством из-за несчастной любви?

– Но это же человеческий компонент!

– Надь, я тебе уже говорил, что мне очень нравится твой человеческий компонент. А с остальным кусочком тебя я надеюсь договориться, чтобы он не мешал.

– Может, ты и прав, – пробормотала Надежда. – Что там от меня осталось, кроме человеческого компонента...

На рассвете Надежда почему-то проснулась. Почувствовав это, Иванов проснулся тоже. Осторожно обнял ее сзади, поцеловал в шею.

– Ты такая красивая, человеческий компонент Надя.

Надежда рассмеялась.

– Может, мы оба сошли с ума? Ты восхищаешься моей андроидной оболочкой, по сути, скафандром. А мне ужасно приятно, что он тебе нравится.

– Ну, – грустновато усмехнулся Иванов, – вольно цитируя одного драматурга с этой планеты, я бы сказал, что в этом

безумии все-таки есть некоторая система...

Дуэль на соленых огурцах

Проезжая как-то по центру мимо Люсиного дома, Григорий зацепился взглядом за недавно открывшийся немецкий ресторанчик. И кризис им нипочем, подумал он с непонятным самому себе раздражением про неизвестных хозяев заведения, – и вдруг, неожиданно для самого себя, припарковался.

Заведение оказалось довольно большим. И меню, и интерьер производили неплохое впечатление. Григорий выпил приличного кофе у барной стойки. Потом заглянул в подвал. И там, в самом конце полупустого зала, за отгороженным деревянной решеткой столиком вдруг обнаружил Люсю.

Вначале совершенно по-детски дернулся смяться. Но, блин, подумал Григорий, что за детский сад – штаны на лямках. Взрослые ведь люди. Хоть погляжу на девушку, сколько уже не видел – месяц? Подошел.

– Привет.

– Привет. Присаживайся. Правда, через пятнадцать минут у меня встреча.

– Да я так... Чисто случайно сюда забрел.

– Какой-то ты странно неуверенный, Гриша. Садись-садись, я тоже бы на тебя посмотрела.

– А ты какая-то странно приветливая. Во время последней встречи вещала надменно, как британская королева: «Точ-

ка поставлена! И если ты ожидаешь эмоций – ты их не дождешься!».

Люся рассмеялась.

– Ну, на тот момент у меня было ощущение, что ты мне вымотал всю мою бессмертную душу. А теперь – время, как говорится, лечит.

– Так ты мне тогда толком ничего и не сказала, просто пошел на фиг – и все.

Люся закурила, задумчиво выпустила длинную струю дыма – и резко наклонившись к Григорию, с неожиданной страстью, но почти шепотом ответила:

– Какой же ты все-таки непробиваемый танк, Гриша!

Григорий аж покрутил головой, вздохнул. И спросил тускло:

– Может, скажешь все-таки, чем я тебя достал?

Помолчав, Люся ответила:

– Не в том проблема, что ты меня чем-то конкретным достал. Просто надоело ощущение своей... как сказать... вторичности и необязательности, что ли. Ну, помнишь, например, как ты меня известил, что не придешь на свидание месяц назад? Я после этого, кстати, как раз окончательно и решила свернуть наши отношения.

Григорий пожал плечами.

– Помню только, что дочке надо было что-то купить.

– Но не помнишь, как ты в стиле британского короля надменно сообщил мне, что должен огорчить свою подданную, –

ты не приедешь. А когда я робко спросила, очень ли срочная эта покупка и нельзя ли ее отложить, ты высказался, как отрезал: «Я уже еду и поворачивать не буду!». Да куда там британской короне – натуральный Цезарь! Жребий брошен, Рубикон перейден!

Гриша вздохнул.

– Ну, если честно, не отразил я этого эпизода. Наверное, реально вел себя, как придурок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.